

МАЯКОВСКИЙ — ПАТРИОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА

(К одиннадцатой годовщине со дня смерти поэта)

Советский читатель, любящий настоящую большую поэзию наших героических лет, высоко ценит замечательное творчество В. В. Маяковского. В произведениях «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», как сказал о Маяковском товарищ Сталин, читатель находит целый мир социалистических идей и чувств. Этот мир открывают в поэзии Маяковского и новые граждане молодых областей и республик СССР. Получая впервые советский паспорт и вспоминая свое недавнее прошлое, они с особым воодушевлением могут повторить слова Маяковского:

С каким наслаждением
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый

советский паспорт.

«Стихи о советском паспорте» стали любимым поэтическим выражением гордости гражданина СССР за свое отечество. Написанные в последний год жизни Маяковского, они как бы венчают одну из важнейших тем всего его творчества — тему советского патриотизма.

«...Мы должны, — говорил М. И. Калинин в своем докладе московскому партактиву «О коммунистическом воспитании», — воспитать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей родине. Я говорю не об отвлеченной, не о платонической любви, а о любви напористой, активной, страстной, неукротимой, о такой любви, которая не знает никакой пощады к врагам, которая не остановится ни перед какими жертвами во имя родины».

В качестве образца выражения патриотических чувств в искусстве, образца служения советскому народу М. И. Калинин в своем докладе приводил творчество Маяковского.

***

В старой России, где господствовал «его препохабие» капитал, поэт чувствовал себя чужим. «Я не твой, снеговая уродина» — говорил он, обращаясь к старорежимной, кофодовой, низкопоклонной Руси чиновников и купцов, помещиков и фабрикантов, опоганивших великое слово «Родина». С неслыханной силой бросил он в лицо «патриотов», отскакивавших в тылу во время мировой войны и наживавшихся на военных спекуляциях, свое негодование подлинного сына родины, которому больно и стыдно за свое истерзанное, истрадавшее отечество:

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!

А в поэме «Война и мир», которую он писал для журнала А. М. Горького и которую царская цензура не пропустила, Маяковский называл калек империалистической войны «огрызками» кровавого обеда международной буржуазии: Никто не просидит, чтоб была победа родине начертана.

Безрукому огрызку кровавого обеда на чорта она?!

Но едва власть в России перешла к победившим рабочим и крестьянам, Маяковский сразу ощутил интересы социалистического государства, как свои кровные интересы, и его победу, как свою собственную. Неудовлетворенная ранее любовь поэта к родине стала деятельной, напористой, страстной и неукротимой. Проявления этой любви — не только в его больших стихах и поэмах, ставших величественными памятниками мыслей и чувств революционного народа, но и в повседневных заботах о благе родины, в помощи ей агитационным словом — частушкой, лозунгом, плакатом, газетным фельетоном на злободневную тему.

«Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла», — писал Маяковский, объясняя творческое значение своей агитработы в РОСТА (Российском Телеграфном Агентстве).

Огненный темперамент бойца революции не позволял ему замкнуться только в работе над книгой и толкал на участие своим поэтическим словом в повседневных боях за социализм. Он владел одинаково хорошо всеми видами литературного оружия — от пафоса до юмора и сатиры, от поэмы да частушки. Весь этот грозный арсенал слова он вдал на идейное вооружение родины: Парадом развернув

моих страниц войска,

я прохожу по строчечному фронту.

Размах, гибкость и оперативность литературной работы Маяковского поразительны. В годы гражданской войны эти особенности его дарования были неопределимы. Он пишет близкие пониманию рядового красноармейца и самого отсталого крестьянина правоучительные сказки и рассказы, агитационные действия которых очень велика, потому что назидательный тон их не назойлив, «утеллен» шуткой, юмором: «Рассказ о том, как изза пуговицы голова пропадает дешевле, укувившемся или — Сказка о дезертире, устроившемся не журенько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника».

И в то же время он создает обобщенный грандиозный образ всей земли, расколота гражданской войной, образ

ВЛАДИМИР ПИЛЮГА.

Из цикла «Маяковский с нами»

Окна РОСТА

В революцию он входит просто:
— В Смольный! Революция — моя!
Окна призывающего РОСТА *)
Освещали путь нам, как маяк.
Здесь, дыма тяжелой папирсой,
Он один работал за двоих.
Пехотанцев,
конников,
матросов
Вел на фронт его отважный стих.
Острое, разящее оружие —
Гневный стих,
взрывающийся, как гром,
Был, как штык бойцу в сраженьи нужен,
Как клинок занесен над врагом.
И теперь, когда я вижу знамя,
Что ведет полки в горячий бой, —
Я уверен — Маяковский с нами,
Грозный, атакующий,
живой!

*) РОСТА — Российское Телеграфное Агентство, в котором работал Маяковский, как поэт и художник.

великого русского народа, поднявшегося первым на борьбу за счастье всего человечества. Поэму «150.000.000» он выпускает в 1921 году без указания имени автора. «150.000.000 мастера этой поэмы имя» — провозглашает он во вступлении. Он стремится слить с революционным народом не только содержание, но и форму своего нового произведения — не случайно первоначально оно называлось «Былина об Иване». Поворот Маяковского к народному языку, образам и жанрам, который происходит в его творчестве после революции, отражает его стремление дойти до самых широких масс. В поэме «150.000.000» он использует, передельывая на свой лад, народнопесенные размеры и широко применяет фольклорные ритмы: Русских

в город тот не везет пароход,
не для нас дворцов этажи.
Я один там был,
в барах ел и пил,
попивал в барах с янками джип.

Сюжет поэмы рисует сказочное столкновение советского богатыря Ивана — ста пятидесяти миллионов рабочих и крестьян — с коллективным воплощением мирового капитализма в образе американского президента Вудро Вильсона. Империализм душит русский народ голодом и разрухой, блокадой и эпидемиями, высылает против него войско ядовитых идей. Победа Ивана дается не легко.

Своей огромной верой в народ, своей болью за его лишения и жертвы, уважением к незаметным героям, обеспечившим торжество революции, Маяковский настраивает читателя на высокий патриотический лад.

В поэтической работе Маяковского общественный темперамент сочетался с верным политическим чутьем, которое оценил Ленин в стихотворении «Проза» седавшиеся». Окрыленный похвалой Ленина, Маяковский «во весь голос» развернул свою деятельность поэта-гражданина.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, вернувшись в Москву из заграничных странствий, на вопрос Софьи «Где ж лучше?» — отвечает: Когда ж постраствуешь,

воротиться домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!

В своих заграничных поездках Маяковский сердцем не расставался с любимой социалистической родиной. «Дым отечества», самый воздух, «разреженный дважды грозью двух революций», был приятен ему. И с запасом этого воздуха в своей широкой грудной клетке он обшел чуть не весь земной шар. Технические достижения капитализма он сумел при этом трезво оценить, но еще неведомая капитализму, составляет душу, гордость социалистического строя. И он писал: Я в восторге от Нью-Йорка города.

Но кепчонку не сдеру с виска.
У советских собственная гордость:
на буржуев смотрим осыска.

В самом деле, что стоило даже такое чудо американской техники, как Бруклинский мост, которое влюбленно и с гордостью за творческие возможности людей созерцал Маяковский, по сравнению с действительным чудом нашей борьбы и труда? —

Намп через пропасть прямо к коммунизму перекинут мост,
длиною — во сто лет.

Хозяйским глазом, уважительно, но и критически осматривал он достопримечательности буржуазной техники и культуры, прикидывая, как и что нужно будет использовать после победы мировой революции. Все-таки тоска по родине хватала за сердце:

Почему под иностранными дождями вымокать мне,
гнить мне

и ржаветь?

И подтрунивая, по обыкновению, над самим собой, над своей «сентиментальностью», — черта, которая придавала такую чистоту и подлинность выражению его самых глубоких чувств, он прощался с любимым Парижем — Я хотел бы

жить

и умереть в Париже,
Если б не было такой земли — Москва.

Маяковский был русский человек, родившийся и проведший юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем котле национально-революционной борьбы против российского самодержавия. Он говорил о себе, что он «по рождению грузин». Вместе со своими товарищами грузинами, еще острее переживая за них уколы национального самолюбия, он ненавидел взбесившихся в 1905 году великодержавных российских шовинистов. Но когда уже в советских условиях он подметил проявления национализма в некоторых кругах грузинской и украинской интеллигенции, он с искренним огорчением воскликнул, обращаясь к юношеству всей нашей многонациональной родины: Да будь я

и негром преклонных годов,

и то без унынья и лени

я русский бы выгучил

только за то,

что им

разговаривал Ленин.

Осенью 1927 года Маяковский впервые прочитал своим литературным друзьям поэму «Хорошо!», написанную им к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Идея, созревшая в боевой практике поэта-трибуна, идея любви к родине одухотворяла эту гениальную поэму. Самое название «Хорошо!» звучало взволнованным счастливым восклицанием человека, вздохнувшего полной грудью. Но, несмотря на то, что именно в этой идее заключался прямой и глубокий смысл нового произведения Маяковского, это не сразу было понято многими, в частности многими литераторами. Маяковский чувствовал и думал, опережая других, угадывая развитие чувств и дум народа. Понадобилось время, чтобы вместе с подъемом патриотических волн оказалась вознесена в народном сознании и великая патриотическая поэма Маяковского.

Первый в советской поэзии Маяковский заставил заново снять слова «родина», «отечество». Он возвеличил жертвенную любовь к родине. В своей поэме, обращаясь к именовавшим себя патриотами российским буржуазным эмигрантам, он писал: Слушайте,

национальный трутень, —

День наш тем и хорош, что труден.

Эта песня

песней будет

наших бед,

побед,

будет.

Такой песней «бед, побед, будет» и стала поэма «Хорошо!». Своими вдохновенными образами не только достигших, но и трудностей нашего исторического пути она вливает изумительное настроение веры в будущее. И вся поэма Маяковского звучит поэтической присягой сердца на верность матери-родине.

...землю,

которую

завоевал

и полуживую

выпяничил,

где с пулей встань,

с винтовкой ложись,

где каплей

льешься с массажи, —

с такою

землею

пойдешь

на жизнь,

на труд,

на праздник

и на смерть!

В. ПЕРЦОВ.